

10. Tsvetayeva M. I. Prosto – serdtse... Domashnyaya biblioteka poezii. M. : Eksmo-Press, 1998. 335 p.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021; одобрена после рецензирования 26.10.2021; принята к публикации 11.11.2021.

The article was submitted 23.09.2021; approved after reviewing 26.10.2021; accepted for publication 11.11.2021.

Научная статья

УДК 82.3

doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-158-162

АВТОРСКОЕ СЛОВО В МАЛОЙ ПРОЗЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

О.Е. Романовская

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия,
rom.vs.olga@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме авторского слова в малой прозе Т. Толстой, представленной циклами «С народом» и «Может быть, свет», основой которых стали блогерские заметки писательницы в социальных сетях. Автор статьи отмечает традиции прозы М. Зощенко в рассказах Т. Толстой. В частности, элементы такой парадоксальной повествовательной формы, как «писательский» сказ: разговорный синтаксис, диффузию книжной и просторечной лексики, нарушение словоупотребительных табу. С их помощью автобиографический рассказчик минимизирует дистанцию, отделяющую его от читателя, создает интонацию доверительной беседы, что подчеркивает изменение статуса современного писателя: теперь он не «властитель дум» и учитель, а равноправный собеседник читателя.

Ключевые слова: Татьяна Толстая, Михаил Зощенко, повествование, обценная лексика, сказ

THE AUTHOR'S WORD IN TATIANA TOLSTAYA'S SMALL PROSE

O.E. Romanovskaya

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, rom.vs.olga@gmail.com

Abstract. The article is devoted to author's speech issue in T. Tolstaya's small prose herein represented with "With folks" ("S narodom") and "There may be light" ("Mozhet byt' svet"), based on Tolstaya's blogs in social networks. The author of the article discovers traditions of M. Zoshchenko prose, particularly, elements of such a paradoxical narrative form as writer's tale. The article demonstrates the use of common place syntaxes, diffusion of academic and casual lexis, violation of word usage taboo, the narrator minimized the distance, separating it from a reader, creates an atmosphere of intimate conversation, carnival freedom, where status of writers changes: now they are not the "lord of thoughts" and mentor, but a reader's plenipotentiary interlocutor.

Keywords: Tatiana Tolstaya, Mikhail Zoshchenko, narrative, obscene vocabulary, tale

Кризис авторского слова в русской литературе последних десятилетий обусловлен целым рядом причин: недоверием к логоцентризму, скептическим отношением к воспитательным возможностям литературы, изменением статуса писателя. Постмодернизм на разных этапах своего существования отрефлексировал этот процесс: маска автора, доминирование «чужого» слова, мерцающие смыслы и «пустой центр» (М. Липовецкий) – результат осознанной художественной стратегии.

Исследователи рассмотрели различные аспекты проблемы автора в прозе Т. Толстой. Авторское слово изучалось в структуре полифонических связей с голосами героев [1, 4], в организации стилизованных фрагментов [6]; предприняты попытки описать различные литературные амплуа писательницы, показать, как имидж, воплощенный в медийном пространстве, коррелирует со стилем сетевых записей, публицистики [2, 5].

В необычном ракурсе предстает проблема авторского слова в прозаических циклах «С народом» и «Может быть, свет». Художественное своеобразие этих циклов

определяют тексты, созданные на основе блогерских заметок писательницы в социальных сетях «LiveJournal» и «Facebook». Опубликованные в сборнике «Легкие миры», эти записи представляют собой завершённые произведения, объединённые тематически и общими художественными принципами. Эксплицированная автобиографичность и эффект записи в режиме реального времени создают иллюзию непосредственного общения. Однако при внимательном прочтении становится очевидным: далеко не всегда автор прямо обращается к читателю, чаще он использует маску, отражающую отдельные грани имиджа Т. Толстой [2]. Это определяет выбор тем, формы коммуникации с читателем, композицию, стиль. Выдвинем предположение: маска автора в циклах «С народом» и «Может быть, свет» генетически восходит к творчеству М. Зощенко.

М. Зощенко, как показали исследования М. Чудаковой, воплотил разные типы нарраторов: безличный повествователь, персонифицированный рассказчик из народной среды, с середины 1920-х годов – автор, литератор, пародия на воображаемого пролетарского писателя, «освобождённого от всякой культуры» [8, с. 119]. Наконец, в «Голубой книге» возникает писатель-публицист, пытающийся просветить читателя, но делающий это многословно и стилистически беспомощно. Новизна прозы М. Зощенко в том, что он «заставляет увидеть за автором некое новое литературное право говорить от “себя”, но “не своим голосом”» [8, с. 118].

В циклах Т. Толстой сохраняется возмущающая в творчестве М. Зощенко тенденция: отказ от традиционной для русской литературы роли «властителя дум», от литературности, книжности стиля, от прямого обращения к сложным философским, историческим, нравственным, социально-политическим проблемам. М. Зощенко пишет для неискущенного читателя, которому нужен «свой брат», писатель, наделенный собственной «наивной философией» [8, с. 119]. Т. Толстая апеллирует к собеседнику, уставшему от сложных эпистемологических поисков. Этим обусловлено преобладание бытовых тем, описание повседневности, углубление в толщу обывательской жизни: ремонт квартиры, вызов бригады сантехников, покупка продуктов на рынке и в магазине, стирка, кулинарные хлопоты. Автобиографическая рассказчица предстает как обычный человек, такой же, как и многие. Выбор такой позиции помогает приблизиться к читательской аудитории.

Этому способствуют и частые обращения к читателю. Собранные под одной обложкой «сетевые» тексты сохраняют изначально присущую им коммуникативную активность. Она поддерживается вопросами к абстрактному адресату: «а вы пойдёте держаться за руки 26 февраля?» [7, с. 224]; комментированием его предполагаемой реакции: «я знаю вас волнует пропажа моих огурцов...» [7, с. 226]; уверениями: «там все снесут, не сомневайтесь» [7, с. 240], поговорками: «а это вам не жук чихнул» [7, с. 397], актуализацией личного или воображаемого опыта: «вот вы – жена, вы ждете мужа домой...» [7, с. 390]. Рассказчица не только создает атмосферу доверительной беседы, обращаясь к адресату, но и представляет его соучастником описываемых событий.

Другой способ сокращения дистанции между автором и читателем – отказ от метафоричности, свойственной «утрированной прозе» (А. Синявский) ранней Т. Толстой, в пользу лапидарности и ясности стиля. На смену необарочной изощренности метафор, изысканному и усложненному синтаксису, поэтической лексике приходят предметные описания, разговорный синтаксис с преобладанием простых конструкций, грубоватость языка: «Был у нас один родственник, француз.... Он был жадный и глупый. Но не суть. Родственников не выбирают. У француза был сын, еще глупее, чем отец... Он понимал себя “европейцем”, а нас держал за совок... Он вип, а мы срань» [7, с. 315].

Разговорный синтаксис, сниженная лексика – элементы, придающие повествованию сказовую направленность. М. Зощенко, по мнению М. Чудаковой, «владея двумя противоположными речевыми системами» [8, с. 126], признавал «законными притязания самого грубого просторечия на место в литературе, он понимал, что “старое” слово перестало быть “своим” для читателя» [8, с. 129]. Т. Толстая тоже делает выбор между двумя речевыми и литературными системами, двумя культурными традициями. В ранних рассказах она почти всегда остается в рамках, определенных классикой XIX и XX веков, в поздних – пытается определить границы неклассического искусства, вызывающе аномативного.

В современной словесности присутствие обценной лексики, жаргона, просторечных конструкций и других отклонений от норм литературного языка зачастую объясняется тем, что героями произведений становятся социальные маргиналы. Рассказчица Т. Толстой, напротив, акцентирует свою принадлежность к творческой

интеллигенции, к кругу писателей, однако переходит установленные классической литературой стилиевые границы.

В поисках диалога с читателем рассказчица обращается к «грубому слову»: «сифон – такая *фижня*, создающая защитную водяную пробку» [7, с. 210], «хотели романтический уик-энд при свечах... А *фиж-то*» [7, с. 246]; «но просто так украшать, *ясень лень*, не дадут» [7, с. 247]; «пошла в магазин, купила кучу продуктов... *Ташу* сумки... *Ох, б...ть...*» [7, с. 204–205]; «вытащила из сумочки ценник, все еще на что-то надеюсь. Вдруг там – 500. Тогда возьму и пусть смерть нас разлучит. *Авотх..й*. 4500 долларов просили за эту *сволочную* сумочку. 4500!» [7, с. 264].

Причин, обусловивших присутствие в рассказах Т. Толстой общенной лексики, несколько. Во-первых, ее экспрессивный потенциал необходим для выражения сильных эмоциональных переживаний. Во-вторых, объяснение содержится в названии цикла – «С народом»: встречаясь с представителями рабочих профессий (маляр, электрик, прораб, сантехник, продавщица), рассказчица погружается в стихию просторечия. И, наконец, не менее важной причиной становится разочарованность в силе «безусловного авторского слова» (М. Бахтин). Поэтому «чужое» слово – вульгаризмы, ругательства, табуированная лексика – органично встроено в повествование. Происходит диффузия книжности и разговорности, интеллектуальности и экспрессивности.

Одна из особенностей сказа – двуголосость. По мнению В. Шмида, в сказе «выражаются одновременно наивный нарратор и изображающий его речь с определенной долей иронии или юмора автор» [9, с. 191]. Речь идет о сказе с вымышленным нарратором. В текстах Т. Толстой его место занимает авторский двойник, поэтому ирония превращается в самоиронию, способ отстранения от серьезно-учительной позиции.

Двуголосое слово – результат «присвоения» «чужого» слова. Рассказ «Василий Иванович» посвящен думскому депутату Шандыбину, который «*косил* под “народного человека”» [7, с. 219]. В начале текста его слова приведены в кавычках: «советский человек был самым счастливым человеком в мире» [7, с. 219]. Дистанция между голосами рассказчицы и Василия Ивановича подчеркнута не только кавычками, но и прямой оценкой: «нес дикую чепуху» [7, с. 219]. Вместе с тем рассказчица и сама склоняется к тому, чтобы «косить» под народную интонацию: сказовая наррация сначала постепенно, а затем все более и более распространяясь, определяет стиль. «А все-таки пожил, дурака поваял, в Москву съездил, людей посмотрел, себя показал, демократов обругал, в Лондоне побывал, интервью понадавал, на ТВ был частым гостем, костюмы пошил, вкусно поел и попил» [7, с. 220–221].

Просторечно-разговорная основа сказа вовсе не означает слияния со словом народа, которое часто отделяется от основного повествования кавычками и становится объектом комментирования и рефлексии. В рассказе «Музыка сфер» «все три великих матерных слова и их производные» открывают рассказчице «тонкости народной картины мира» [7, с. 321].

В рассуждениях о состоянии современного русского языка («О том», «Гной», «Двугыщи», «Советское ухо», «Синэстезия») возникает образ «слова-монстра» (М. Чудакова), безграмотного, фальшивого, оторванного от культуры. Здесь авторское слово не испытывает на себе каких-либо влияний, а звучит с публицистической прямотой: «мне нравится смотреть, как язык принимает одни слова и отбрасывает другие, как возникает мода то на одни, то на другие выражения; я примеряю новые слова и прикидываю, подойдут ли они мне или я этого носить не буду... Но это все слова. Они пришли и ушли... А вот синтаксис – это совсем другое. Это как если б стали рождаться одноногие или трехглазые» [7, с. 276].

Эти размышления помогают понять разницу между сказовыми формами, сложившимися в творчестве М. Зощенко и Т. Толстой. Унаследовав у мастера русской прозы идею сказа, написанного от лица писателя, Т. Толстая воссоздает его с помощью разговорного синтаксиса, сниженной лексики, экспрессии обращений к читателю, но в то же время демонстрирует тонкое понимание языка в отличие от зощенковского рассказчика, намеренно имитирующего безграмотную антилитературную речь. Сказовые элементы позволяют перевести повествование в регистр доверительной беседы, доступной, а главное – интересной читателям с разным горизонтом культурно-эстетических ожиданий.

Косвенным свидетельством того, что рассказы М. Зощенко повлияли на выбор нарративной формы, являются отсылки к его произведениям. Это неточные, но узнаваемые цитаты из рассказов: «делаю индифферентное (по Зощенко) лицо» [7, с. 263]. Ср.: «А хозяин держится индифферентно» [3, с. 33], «Что я хочу сказать? Я хочу сказать...» [7, с. 271] Ср.: «Чего хочет сказать автор этим художественным произведением?

Этим произведением автор энергично выступает против пьянства» [3, с. 125]. Специфическое оформление внутренней речи, обнаруживающее, что «рассказчик думает междометиями» [8, с. 112]: «Ой», – думаю я» [7, с. 204] Ср.: «Фу, ты», – думаю» [4, с. 36]. Реминисцентный фон создают и рассказы «просветительского» плана, напоминающие о «Голубой книге» М. Зощенко («Му-му и Фру-фру: исчезновение Больших Смыслов», «Про дружбу народов», «Без разницы»). Их анализ задает дополнительные перспективы в изучении заявленной темы.

Итогом этого исследования становятся следующие наблюдения. В малой прозе Т. Толстой, созданной на основе блогерских заметок, использована сказовая форма повествования, оригинальность которой заключается в выборе нарратора – двойника биографического автора. Этот тип сказа возник в творчестве М. Зощенко. Возрождая его, Т. Толстая модифицирует собственный стиль. Отказ от необарочных тенденций в пользу разговорности обусловлен задачей сокращения дистанции между участниками коммуникации. Основной путь демократизации языка в циклах «С народом» и «Может быть, свет» – изменение его лексического состава (включение просторечий, вульгаризмов, табуированной лексики) и упрощение синтаксиса (использование разговорных конструкций). Погружение в стихию народной речи позволяет создать атмосферу карнавальности легкости и свободы при обращении к самым разным темам.

Список источников

1. Богданова О. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI). СПб. : Филол. ф-т. С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 716 с.
2. Брызгалова М. Татьяна Толстая: самоидентификация vs литературная репутация // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2019 № 3. С. 125–134.
3. Зощенко М. Рассказы. Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1990. 286 с.
4. Липовецкий М. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
5. Пешкова О. Образ автора в блоге Т. Толстой // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 2. С. 174–195.
6. Романовская О. «Чужое» слово в русской постмодернистской прозе. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2012.
7. Толстая Т. Лёгкие миры. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.
8. Чудакова М. Избранные работы, том I. Литература советского прошлого. М. : Языки русской культуры, 2001. 472 с.
9. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

References

1. Bogdanova O. Postmodernism in kontekste sovremennoy russkoy literatury (60–90-e gody XX veka – nachalo XXI). SPb. : Filol. f-t. S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 716 p.
2. Bryzgalova M. Tat'yana Tolstaya: samoidentifikatsiya vs literaturnaya reputatsiya. Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya. 2019, No 3, pp. 125–134.
3. Zoshchenko M. Rasskazy. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 286 p.
4. Lipovetskiy M. Russkiy postmodernizm: Ocherki istoricheskoy poëтики. Ekaterinburg: Ural. State Ped. Un-ty, 1997. 317 p.
5. Peshkova O. Obraz avtora v bloge T. Tolstoy. *Studia Litterarum*, 2018, T. 3, No 2, pp. 174–195.
6. Romanovskaya O. «Chuzhoe» slovo v russkoy postmodernistskoy proze. Astrakhan: Publishing House «Astrakhanskiy universitet», 2012.
7. Tolstaya T. Legkie miry. Moskva: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2014. 477 p.
8. Chudakova M. Izbrannye raboty, tom I. Literatura sovetskogo proshlogo. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2001. 472 p.
9. Shmid V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 312 p.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 17.11.2021.

The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 17.11.2021.